

СПЕРМАТОЗОИД НЕ ВСЕГДА ДОСТИГАЕТ ЦЕЛИ

Курилкин
1994 — 21 окт.
С. 13.

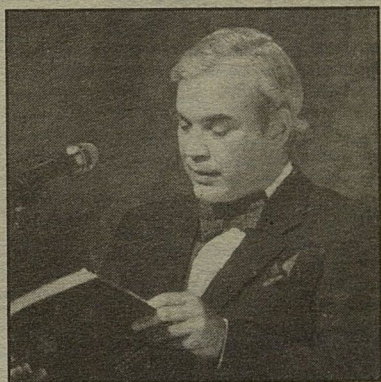
“До и после” Владимира Молчанова выходит в эфир в самое съедобное время — в субботу вечером. По первой программе. Однако досмотреть ее до конца вряд ли возможно даже в самом глухом захолустье. Программы такого толка как раз и дают основание определить все наше телевидение как “умаразм” (так назвал российское ТВ житель г. Мышкина).

Похоже, и сам Владимир Молчанов с трудом представляет смысл, задачу и материал, на котором строится передача. Что такое “До и после”? До — чего? После — чего? Смешно задавать подобные вопросы ведомству, играющему по одному-единственному правилу — можно все, когда есть деньги. Вопросы: зачем, для чего, в чем смысл — задавать глупо. Хочу и появляюсь! Самый виртуозный эксперт не сможет вычлени из часовой программы хоть какой-то намек на идею или на здравый смысл.

Промелькнула как-то на телевидении маленькая короткая рекламная передача “Смак” с Андреем Макаревичем. Ее обругали, по-моему, во всех газетах. И обругали зря. Что это была за передача? В течение пяти — семи минут Макаревич на ваших глазах приготавливал какое-нибудь блюдо. Он совместил в себе все разом: и рецепт, и рекламу, и рафинированное артистическое действие, серьезное исполнение которого лишь усиливает его абсурдистский характер.

Однако при чем тут Макаревич, если речь идет о передаче Молчанова? При чем тут маленькая, прошмыгнувшая почти незаметно для зрителей передача, если речь идет о большой, очень большой и знаменитой программе? При том, что в крошечном “Смаке” было все, чего нет в “До и после”, и прежде всего был смысл.

И еще при том, что у Макаревича мы были свидетелями процесса изготовления, а у Молчанова — результата. В его программе тоже, как и следует в кулинарии, все резалось мелко и всего было много. Много и мелко — вот, кажется, единственное, что автор знал наверняка о своей передаче.

Прежде у Молчанова был определенный имидж: элгическая томность, возвышенный интерес к высшему свету во всех его проявлениях и замедленная плавность протекания в эфире. Молчанов был как раз тем человеком, которого телевидение могло предьявить, буде внезапно кто-то страшно ответственный спросил бы строго: а знаете ли вы, что такое хорошие манеры? А есть ли у вас благовоспитанные люди в вашей пестрой компании? Тут как раз и мог быть предьявлен Молчанов. В таком именно качестве русского путешественника по королевским замкам Молчанов и воспринимался публикой в “До и после полуночи”. Теперь “полуночь” исчезла, осталось “до и после”, а Молчанов постарался придать своему облику и своей передаче максимум динамизма, понимая его в рецептах Макаревича: резать много, мелко и быстро.

Недавний выпуск “До и после” начался, конечно, с России. С обвала рубля. С “черного вторника”. К моменту выхода программы мы уже знали об этом обвале в десять раз больше, чем знал Молчанов, когда писал свой монолог, так что слушать его просто скучно. Все смешалось в его монологе: Пушкин с Лесковым, бабушка с медным пятак и Чубайс с золотым дождем, и даже на приправу пошел драматург О’ Нил с “Продавцом дождя”. Если учесть, что весь этот мелко нарезанный монолог считывался Молчановым в бешеном темпе, остается констатировать, что в скорости движения обогнать Татьяну Миткову Молчанову не удалось. О внятности текста говорить не приходится.

Следом за стремительным монологом в программе последовали мелко нарезанные куски теледайджеста: тут и китайский театр, и что-то японское — скорость пролетания кинолапши превышала физические возможности человека в усвоении материала. Затормозили лишь на рекламе. Реклама “Русского дома селенга” преподносилась как интервью с управляющим всеми селенг-фирмами. На интервью скорость сбросили, но не надолго. Вы думаете, акции-прокламации — это только у нас? Нет, вот в Австралии продают акции борделя. Вперед! Отборделились в Австралии, помчались в Перу — там индейцы возвращаются на места проживания, из Перу — в Испанию, там вырубает виноградники из-за происков Антверпена. Абхазия, чеченские дела, идиотизм эстонских журналистов, расстрел Маты Хари, смерть Роммеля, изгнание Хрущева — “и все это суси”. Все это суси, господа. Рис, приправы — думаете, настоящее? — все это муляжи!

Муляжи “суси” могли бы стать символом программы, а ее эстетическим кредо — монтаж стихотворения Агнивцова, если не ошибаюсь, о казни Марии Антуанетты. С кадрами изготовления гамбургской колбасы. Падают голова бедной королевы, и рубится, рубится, рубится мясной форшмак.

Во всей программе было лишь одно интересное место — интервью с королем французской рекламы (возможно, тоже рекламный материал). Интервью было исполнено примитивно: записано в Париже и смонтировано в Москве, но это неважно. Интересно было из груди бессмысленной лапши услышать нормальный человеческий голос Жака Сегела, директора рекламного агентства. “Идеи, — сказал Сегела, — как сперматозоиды. Их миллионы, но лишь один достигает цели”. Не знаю, были ли заложены какие-нибудь идеи в “До и после”. Даже если были, ни одна не достигла цели.

Известно, с каким трудом пробиваются в эфир передачи и кинофильмы. На первом канале очередь таких передач и фильмов внушительна. Журналисты обивают пороги начальства, чтобы получить более или менее приемлемое время, в которое передача не растворится в пространстве, а будет увидана зрителем. На другой день, после того как на первой программе представляли “До и после”, по ленинградскому каналу поздно ночью, когда люди уже спали перед новой рабочей неделей, показали фильм К. Артюхова о потомках А. С. Пушкина, живущих в Англии. Этот фильм был вынесен на обочину телевидения, хотя много давал уму русского телезрителя...

Кира МИХАЙЛОВСКАЯ.